

РАЗВЕДКА И КОНТРАЗВЕДКА

ЭНДРЮ КУК

**СИДНЕЙ
РЕЙЛИ**

**ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
«КОРОЛЯ ШПИОНОВ»**

Разведка и контрразведка

Эндрю Кук

**Сидней Рейли. Подлинная
история «короля шпионов»**

«Алисторус»

2017

УДК 355.40:929
ББК 67.401.212 Рейли С.

Кук Э.

Сидней Рейли. Подлинная история «короля шпионов» / Э. Кук — «Алисторус», 2017 — (Разведка и контрразведка)

ISBN 978-5-906979-97-1

Английского разведчика Сиднея Рейли, который в первой четверти XX века действовал в России, на Дальнем и Ближнем Востоке, одни называют «королем шпионов», а другие — великим авантюристом. Кем же на самом деле был один из прототипов Джеймса Бонда? Почему он скрывал подробности своей биографии? Планировал ли он ликвидацию Ленина и Троцкого в 1918 году? Погиб ли он в перестрелке с советскими пограничниками или был тайно расстрелян по личному приказу Сталина? И какие реальные подвиги совершил на фронтах тайной войны? Авторитетный британский историк Эндрю Кук на основе секретного досье английской разведки, малодоступных документов из архивов 15 стран мира (в т.ч. России и Украины), воспоминаний современников и результатов двадцатилетнего исследования отвечает на эти и другие вопросы.

УДК 355.40:929

ББК 67.401.212 Рейли С.

ISBN 978-5-906979-97-1

© Кук Э., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

От переводчика	5
От автора	7
Предисловие ко второму английскому изданию	9
Предисловие	11
Глава 1. Внезапная смерть	13
Глава 2. Человек ниоткуда	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30
Комментарии	

Эндрю Кук Сидней Рейли. Подлинная история «короля шпионов»

От переводчика

Книга британского историка Эндрю Кука о Сиднее Рейли, вышедшая в свет в Великобритании в 2002 году в издательстве Tempus, а на русском языке в 2004 в издательстве «Яуза» под заголовком «Сидней Рейли. На тайной службе Его Величества», сегодня стала библиографической редкостью. Поэтому, когда главный редактор издательства «Алгоритм» Александр Колпакиди предложил ее переиздать, я чрезвычайно обрадовался возможности не только восполнить дефицит этой книги на книжном рынке, но и исправить некоторые ошибки и неточности, содержащиеся в первом издании. Кроме того, в настоящий перевод книги были внесены ряд дополнений и изменений, которые были сделаны автором во втором английском издании.

Мне посчастливилось не только переводить эту книгу, но и стать одним из участников захватывающего и полного неожиданностей международного исторического исследования жизни человека, во многом послужившего прототипом всемирно известного «агента 007» Джеймса Бонда. Однако в отличие от вымышленного детища Йена Флеминга «король шпионов» Сидней Рейли не был уроженцем Британии. Всю свою жизнь он был тесно связан с Россией, родился и окончил свой жизненный путь в этой стране, а тайны его происхождения, жизни и смерти в течение почти целого века пытались разрешить многие современники и биографы знаменитого авантюриста.

Книга Сиднее Рейли – результат кропотливой аналитической работы английского историка Эндрю Кука, на протяжении двадцати лет изучавшего все имеющиеся на сегодняшний день в мире документы и свидетельства о жизни всемирно известного международного авантюриста. Это строго документальное исследование развенчивает бесчисленные мифы и легенды, окружавшие одну из самых загадочных фигур в истории мировой разведки двадцатого столетия. В реконструкции подлинной биографии Сиднея Рейли немалую роль сыграли документы, найденные в российских архивах.

Перу Эндрю Кука также принадлежат работы, посвященные роли британской разведки в попытках спасти от гибели Николая II и его семью в 1918 году, причастности британских спецслужб к убийству Распутина, новое историко-документальное расследование загадки личности «Джека-потрошителя» и целый ряд других книг.

Бесценную экспертную помощь в работе над переводом этой книги и ее публикацией на русском языке мне и автору оказал писатель *Теодор Кириллович Гладков*, скончавшийся в 2012 году. Наши встречи в конечном итоге переросли в дружбу, которая продолжалась до последних дней его жизни, и в каком-то смысле я обязан ей главному герою книги – Сиднею Рейли.

Я также хочу выразить свою искреннюю признательность тем, кто помог мне в поиске архивных документов, высказал ценные замечания и советы по тексту перевода книги, а также внес свой вклад в ее техническое оформление: *Н. И. Абдулаевой*, *А. А. Литвину*, *З. И. Перегудовой*, *Л. И. Петрушевой*, *А. И. Цветковой* (Государственный архив Российской Федерации), *В. М. Шабанову* (Российский государственный военно-исторический архив), *О. И. Морозан* (Российский государственный исторический архив), *О. К. Матвееву* (Центральный архив Федеральной службы безопасности), *В. И. Коротаеву*, *Н. В. Самсоновой* (Российский государственный военный архив), *И. Н. Прелину*, *С. Г. Саркисян* и *Л. Б. Селицкой*.

*Название книги дается по ее второму изданию *Ace of Spies. The True Story of Sidney Reilly*.*

*Дмитрий Белановский.
Москва, 2017 г.*

От автора

Моим родителям

Я хочу высказать здесь свою признательность всем тем, кто внес вклад в написание этой книги. Этот труд является плодом моей многолетней работы, а также усилий большого количества людей, участвовавших в данном исследовании с момента его замысла и до воплощения в жизнь.

Я выражаю особую благодарность главным исследователям, помогавшим мне в процессе работы над книгой: *Джордану Ауслендеру* (США), *Дмитрию Белановскому* (Россия), *Владиславу Кирия* (Украина), *д-ру Сильвии Меле* (Германия), *Стивену Паркеру и Грэму Солту* (Великобритания). Я также хочу поблагодарить *Мишеля Амьё* (Франция), *д-ра Майкла Аттиаса* (Великобритания), *Марка Бернштейна* (США), *Нормана Краудера* (Канада), *Алекса Денисенко* (Польша), *Линду Феган* (Великобритания), *д-ра Татьяну Филимонову* (Россия), *Сигиту Гасправичене* (Литва), *Марию Эрман* (Бразилия), *Джофффри Хьюлетта* (Великобритания), *Райнхарда Хофера* (Австрия), *Синана Кунеральпа* (Турция), *Шона Мэллоя* (США), *Мэри Морриган* (Эйр), *Ирину Мулину* (Россия), *Данну Пас Принс* (Израиль), *Михаила Сачека* (Беларусь), *Исицу Томоюки* (Япония) и *Марка Уиндовера* (США) за дополнительную помощь в исследовании.

Я также глубоко признателен нынешним и бывшим министрам, с которыми я прежде работал, за советы и содействие в поиске документов в британских архивах. После моего обращения в Кабинет министров правительство дало мне разрешение на работу с материалами, касающимися службы Сиднея Рейли в Секрет интеллидженс сервис (СИС) специально для написания этой книги. Трудно оценить то значение, которое имел для меня допуск к этим архивам, равно как и возможность сравнить документы, хранящиеся в них, с архивными материалами Федеральной службы безопасности (ФСБ) России и Американского бюро расследований (предшественника ФБР) в Вашингтоне.

Эндрю Кук в российском архиве

Я также хочу выразить свою благодарность за помощь и содействие семьям, сыгравшим свою роль в жизни Рейли, а также частной сыскной фирме «Френсис энд Френсис», которая помогла мне найти их. Моя особая благодарность *Диане Бриско, Джорджу Бертону, Кармелю Каллан-Синноту, Теодору Гладкову, Борису Гудзю, Эдварду Хардингу-Ньюману, Чарльзу Льюису, Густаву Нобелю, Тревору Мелвиллу, Энн Томас, Висконту Турсо и Бриджид Атлей.*

Я чрезвычайно признателен всем тем, кто ранее публиковал работы по этой или близкой к ней теме, за устные или письменные консультации: *Джин Беннетт, Гордону Брук-Шеперду, Элан Джанн, покойному Майклу Кеттлу, Маргот Кинг, Робину Брюсу Локкарту, профессору Иену Нишу, Гейл Оуэн, профессору Ричарду Спенсу, Кэрл Спиро и Олегу Цареву.*

Моей особой благодарности заслуживают *Лайза Адамсон, Лора Эгер, Кэролайн Бич, Дакиша Шоэн, Элисон Кук, Джули Эдвардс, Элен Энстон, Джанет Джекобс, Боб Шез, Селина Шорт и Крис Уильямсон* за трудоемкую работу на различных этапах исследования, а также фирма «Юротех лтд» за перевод на английский с русского, немецкого и французского языков колоссального количества документов.

Я хотел бы здесь также упомянуть целый ряд лиц, которым я благодарен за оказанную ими помощь, но чьи имена я не могу здесь назвать по этическим соображениям, – каждого из них я поблагодарил устно. В не меньшей степени я нахожусь в долгу перед моим редактором Джоанной Линкольн и издателем Джонатаном Ривом – за поддержку, вдохновение и советы, которые они давали мне на всем протяжении моей работы над книгой.

Предисловие ко второму английскому изданию

Когда в октябре 2002 г. вышло первое издание этой книги, она тут же получила массу откликов в прессе не только в самой Великобритании, но и за рубежом. Спустя некоторое время она вышла дополнительным тиражом, а также была переведена на другие языки. Когда же мой издатель Джонатан Рив предложил мне выпустить второе, исправленное и дополненное, издание моей книги, я увидел в этом великолепную возможность продолжить исследования, которые остались незавершенными к моменту сдачи рукописи в издательство. В результате этих изысканий мне удалось получить массу новых фактов и свидетельств, проливающих свет на целый ряд эпизодов биографии Рейли.

Наиболее важными из них является криминалистическая экспертиза фотографических изображений Рейли, которую в момент публикации книги проводил для меня Кен Линдж. Это исследование к настоящему моменту завершено, а его заключение оказалось бесценным для ответа на вопрос о том, кем были родители Рейли и его ближайшие родственники. Не менее загадочная история – участие Рейли в преступлении, в результате которого он бежал из Франции в Англию в 1895 году, – была наконец раскрыта французским исследователем Мишелем Амьё. Среди других открытий, сделанных за это время, можно назвать найденные в Германии документы о закулисных сделках Рейли в Османской империи до начала Первой мировой войны, его донесения, позволяющие ответить на вопрос о его местонахождении и деятельности осенью 1917 года, а также обнаруженные недавно личные бумаги майора Дж. Д. Скейла, офицера британской разведки, который в 1918 году завербовал Рейли в английскую разведывательную службу СИС (более известную ныне как МИ5).

Борис Гудзь и Эндрю Кук. Август 2002 г.

Из важных находок, сделанных в Москве, можно назвать собственноручные показания о Рейли его любовниц Ольги Старжевской и Елизаветы Оттен в период их заключения в Бутырской тюрьме. Эти ранее не публиковавшиеся документы не только дают представление об их взаимоотношениях с Рейли, но также являются уникальным источником сведений о тайной жизни, которую он вел в России весной и летом 1918 года. Но, пожалуй, самыми поразительными из всех сделанных за это время открытий являются факты, сообщенные мне Борисом Гудзем, бывшим сотрудником ОГПУ и участником операции «Трест», результатом которой стали арест и казнь Рейли в СССР. Гудзь, которому в августе прошлого года, за несколько дней до нашей встречи с ним, исполнилось 100 лет, поделился со мной воспоминаниями, поистине бесценными для восстановления окончательной картины последних недель жизни Сиднея Рейли.

Эти и другие новые документы и свидетельства, многие из которых публикуются впервые, сыграли неоценимую роль в написании подлинной биографии Сиднея Рейли – Короля шпионов.

Предисловие

Мысль написать шпионский роман пришла в голову Иену Флемингу, по всей видимости, лет за десять до того, как он наконец-то решился воплотить свой замысел на бумаге. Флеминг имел достаточно смутное представление о герое своей будущей книги, когда утром 15 января 1952 года он уселся за пишущую машинку, чтобы начать первую главу романа «Казино Руаяль». Работая в своей летней резиденции «Золотое око» на Ямайке, он закончил рукопись, насчитывавшую 62 тысячи слов, менее чем за два месяца^[1]. На полке в его кабинете стояла книга, которая и подарила имя герою его романа. Она была озаглавлена «Практический справочник птиц Вест-Индии», написал ее орнитолог Джеймс Бонд^[2]. Незадолго до выхода в свет своей книги в апреле 1953 года Флеминг поделился в разговоре с одним из сотрудников газеты «Санди таймс», где он работал заведующим иностранным отделом, что образ Джеймса Бонда был навеян ему подвигами английского секретного агента Сиднея Рейли, о которых он узнал из архивов британской разведывательной службы во время Второй мировой войны^[3].

Являясь личным помощником начальника управления военно-морской разведки во время войны, капитан второго ранга Иен Флеминг был штабным офицером разведки и по роду деятельности был тесно связан с другими разведывательными службами. Он многое узнал об истории своего ведомства, в том числе и о его роли в одном из величайших достижений английской разведки во время Первой мировой войны – взломе немецкого дипломатического кода 0070, вдохновившего Флеминга присвоить Бонду персональный номер 007^[4]. Эти знания помогут ему в дальнейшем создать богатейшую галерею образов и ситуаций, из которых будет складываться вымышленный мир Джеймса Бонда.

Одним из знакомых Флеминга времен войны был некий Чарльз Фрейзер-Смит, внешне неприметный чиновник Министерства снабжения. В действительности же Фрейзер-Смит снабжал разведывательные службы множеством необычайно хитроумных приспособлений, как, например, компасы, запрятанные в мячики для игры в гольф, или скрытые в шнурках гибкие пилочки^[5]. Фрейзер-Смит впоследствии послужил прототипом майора Бутройда, более известного как «Q» в романах и фильмах о Джеймсе Бонде.

Испытывая слабость к различного рода хитростям, обману и интригам, Флеминг был особенно неравнодушен к «черной пропаганде» военно-политического ведомства, возглавляемого в то время бывшим дипломатом и журналистом Робертом Брюсом Локкартом, с которым Флемингу также довелось познакомиться^[6]. В 1918 году Локкарт вместе с Сиднеем Рейли оказался втянутым в заговор против молодого правительства Ленина. За пять лет со дня исчезновения Рейли в Советской России в 1925 году пресса превратила его имя в легенду, окрестив «супершпионом» и сделав его героем многочисленных и самых невероятных шпионских авантюр.

Таким образом, Флеминг уже давно получил представление о мифической репутации Рейли и, несомненно, с трепетом слушал воспоминания человека, не только лично знакомого с Рейли, но и оказавшегося вместе с ним в водовороте событий, последовавших за революцией в России. Локкарт и сам сыграл ключевую роль в мифологизации Рейли, оказав в 1931 году помощь его жене Пепите в издании книги, претендующей на достоверный рассказ о приключениях ее мужа^[7]. Работая в то время журналистом, Локкарт также приложил руку к сериализации приключений «супершпиона» в «Лондон ивнинг стандарт».

Несмотря на то что фигура Рейли явилась искоркой или катализатором, способствовавшим зарождению у Флеминга идеи создания образа «супершпиона», сам Бонд является вымышленным героем, вобравшим в себя черты самых разных персонажей^[8]. Вместе с тем в Бонде, каким его изобразил Флеминг на страницах своих книг, явственно проявляются черты самого Рейли. Между тем литературный Бонд выглядит куда более жестоким, расчетливым и

зловещим, нежели его кинематографический аналог, с годами выхолостивший первоначальную идею Флеминга.

Подобно герою Флеминга, Рейли великолепно говорил на многих языках, испытывал непреодолимое влечение к Дальнему Востоку с его мистическим очарованием, любил красивую жизнь и был азартным игроком. Как и Бонд, Рейли обладал гипнотическим воздействием на женщин, а его многочисленные романы могли бы поспорить с любовными похождениями агента 007. Однако в отличие от Джеймса Бонда Сиднея Рейли даже при богатом воображении вряд ли можно было бы назвать красавцем. Его привлекательность таилась скорее в его неуловимом обаянии и харизме, одновременно сочетавшихся с хладнокровием и беспощадностью. Из наиболее близких нам современных вымышленных героев, напоминающих Рейли, можно, пожалуй, назвать Майкла Корлеоне в исполнении Аль Пачино из фильма «Крестный отец» – хладнокровного, умеющего контролировать свои эмоции и действующего из сухого расчета. Как и Корлеоне, всегда прагматичный Рейли обладал мощнейшим воздействием на женщин или, точнее, на определенный тип женщин, которых он никогда не переставал использовать в своих целях.

Так кем же был Сидней Рейли и что за силы двигали им? Для своих любовниц, друзей и врагов он так и остался загадкой. Несмотря на то что о нем написана масса книг, зачастую противоречащих друг другу, до сегодняшнего времени никто так и не дал ответа на вопрос о его истинном происхождении, месте рождения и обстоятельствах его исчезновения и смерти. На протяжении всей своей жизни Рейли окутывал себя непроницаемым туманом и постоянно лгал о своем истинном происхождении, меняя одну личину за другой. Те же, кому доводилось входить в эту разделенную им на перегородки жизнь, знали о Рейли только то, что он расчетливо сообщал им.

Почти целое столетие истинный образ Сиднея Рейли был глубоко спрятан под толстым слоем вымыслов и мифов. Его стремление стать похожим на Уолтера Митти^[9], рассказывающего небылицы о своих шпионских приключениях, еще больше приукрасило легенду и внесло еще больше путаницы. Для того чтобы составить точную картину жизни этого незаурядного человека, необходимо было отбросить все наслоения лжи и вымыслов и начать все с самого начала, черпая факты только из достоверных источников.

Эта книга стала реальностью благодаря исключительной возможности получения доступа к секретным, закрытым для широкой публики документам из Великобритании, Германии, Канады, Польши, России, Соединенных Штатов, Украины и Японии. Автору также удалось отыскать потомков людей, некогда игравших ключевую роль в жизни Сиднея Рейли, и взять у них интервью. Именно их помощь позволила восстановить многие недостающие эпизоды его таинственной биографии, а также проследить, каким образом этот человек уже к двадцати пяти годам сумел стать авантюристом международного класса.

Глава 1. Внезапная смерть

«О Ньюхевене мало что можно сказать за исключением того, что в ненастную погоду те, кто едет сюда из Франции, стремятся быстрее добраться до его берегов, а уезжающие из Англии в погожий день счастливы покинуть это место как можно раньше»^[10]. Эти достаточно скупые строки были написаны писателем-путешественником Е. В. Лукасом в 1904 году. Однако, как это часто бывает, именно в таких непримечательных местах и происходят весьма знаменательные события. Действительно, примерно за четыре года до того, как Лукас написал эти строки, ньюхевенская гостиница «Лондон и Париж» стала невольным свидетелем событий, имевших серьезные последствия не только для двадцатичетырехлетней наследницы, но и для человека, которого впоследствии будут именовать не иначе как «шпион XX века».

Удачно вписывающееся в архитектурный стиль ньюхевенской гавани внушительное трехэтажное оштукатуренное здание состояло из тридцати роскошно меблированных номеров, где имелось все, о чем мог только мечтать путешественник викторианской эпохи. Именно сюда, на ньюхевенскую пристань, в пятницу, 11 марта 1898 года, был доставлен с поезда сидящий в инвалидной коляске шестидесятитрехлетний человек. В сопровождении своей сиделки Анны Гибсон преподобный Хью Томас^[11] проследовал далее в конторку портье, чтобы объявить о своем прибытии. Он и его сиделка забронировали номера по понедельник 14 марта включительно, ожидая приезда в этот день из Лондона двадцатичетырехлетней жены Томаса Маргарет. Все трое должны были затем сесть в 11.30 на паром до Парижа, а оттуда проследовать в Египет, где чета предполагала провести отпуск.

Несмотря на преимущества своего социального положения, Маргарет, очевидно, ощущала, что в ее жизни чего-то недостает. Ей, несомненно, не хватало внимания и нежности, и именно это в конце концов заставило ее уступить ухаживаниям Зигмунда Розенблюма из компании по приготовлению медицинских препаратов «Озон»^[12].

Хью Томас и Зигмунд Розенблюм впервые встретились в 1897 году. Томас, страдавший болезнью Брайта – хроническим воспалением почек, – был одним из многих поддавшихся искушению лечиться патентованными препаратами. Это были нетрадиционные средства, популярные в то время и рекламируемые многочисленными компаниями, как, к примеру, «Компания препаратов Озон», при приеме которых предписывался лишь постельный режим, бедная белками пища, большие дозы ялапы¹ и кровопускание – все это, вне всякого сомнения, делало лечение патентованными средствами крайне привлекательным для таких пациентов, как Томас.

Хью Томас и Зигмунд Розенблюм регулярно встречались на протяжении 1897 года в Мэнор-Хаус, Кингсбери, и в доме № 6 по Аппер-Вестбурн-террас в Лондоне. Именно в Мэнор-Хаус летом 1897 года Томас впервые познакомил Розенблюма с Маргарет^[13]. Существует версия, что чета Томасов впервые познакомилась с Зигмундом Розенблюмом в России во время поездки в Европу, которую они предприняли в 1897 году^[14]. Согласно еще одной версии, отношения между Маргарет и Розенблюмом стали развиваться в то время, когда он сопровождал их из отеля в отель во время мелодраматического возвращения Томасов в Англию^[15]. Факты, однако, свидетельствуют об обратном. В то время британцам, отправлявшимся за границу, заграничный паспорт, как правило, не требовался, тогда как для въезда в Россию он был необходим. Однако в архивах британского паспортного ведомства нет и намека на то, что Томасы когда-либо ходатайствовали о получении паспорта для въезда в Россию или что таковой был им выдан^[16]. Семейные бумаги Томасов также не подтверждают, что в 1897 году чета выезжала

¹ Ялапа (*ipotea purga*) – вьющееся растение семейства вьюнковых из рода ипомея, произрастающее в Южной Америке. Препараты, изготовленные из высушенных корней ялапы, применяются как сильное слабительное средство. (Прим. пер.)

за границу, хотя в декабре Томасы планировали путешествие в Египет, куда они намеревались отправиться в марте следующего года.

Кому принадлежала идея поездки в Египет, нам не известно. Был ли это просто невинный план, или сей вояж задумывался с куда более зловещим умыслом – об этом можно лишь только догадываться^[17]. Нам доподлинно известно, однако, что Маргарет взяла на себя все хлопоты, связанные с планированием поездки, ее организацией и заказом билетов, – это видно из документов компании «Томас Кук»^[18]. Незадолго до отъезда Маргарет устраивает встречу своего мужа с местным поверенным. В пятницу, 4 марта, чета направляется к себе домой на Сент-Мери-сквер, 13, рядом с вокзалом Паддингтон. В присутствии писаря Хью Томас назначает Генри Ллойда Картера своим семейным стряпчим, а Маргарет – душеприказчиком завещания. Текст завещания гласил:

«Распоряжаюсь оплатить все долги и расходы, связанные с моими похоронами и настоящим завещанием. Моя жена вступает в наследство и получает в безраздельное владение и пользование все мое недвижимое имущество, а также мое личное имущество и состояние, очищенное от долгов, распорядителем которых я ныне состою, а ежели появится потомство у меня и моей жены Маргарет, вышеозначенный потомок по Завещанию моего покойного дяди Хью Томаса из Тревор-Энглис получает права на долю моего движимого и недвижимого имущества. Я утверждаю, что завещаемое мною моей жене наследство включает в себя все движимое и недвижимое имущество, которое я вправе завещать законному наследнику или следующему за ним ближайшему родственнику, и настоящим завещанием подтверждаю права моей жены на безраздельное владение и пользование таковым»^[19].

Маргарет тоже оставила завещание, назначив своим душеприказчиком Генри Ллойда Картера. В пятницу утром, 11 марта, ровно через неделю после составления завещания, Хью Томас и его сиделка Анна Гибсон покинули Аппер-Вестбурн-террас и направились к вокзалу Виктория. По их прибытии в ньюхевенский порт багаж был сдан в камеру хранения, а ручная кладь отнесена в смежные номера гостиницы. В тот день Хью Томас лег спать раньше, чем обычно, вряд ли догадываясь, что жить ему осталось недолго.

Суббота, 12 марта, выдалась холодной и промозглой, и преподобный Томас и его сиделка безвылазно сидели в гостинице. Томас лег в постель около одиннадцати вечера. А ранним утром следующего дня к нему в дверь постучался Джон Симмонз – будучи инвалидом, преподобный Томас заранее распорядился доставить завтрак к нему в номер. Не получив ответа, Симмонз открыл дверь собственным ключом. В комнате царил мрак, и ничто, казалось, не вызывало беспокойства.

За время своего трехлетнего опыта работы в отеле Симмонзу не раз приходилось видеть спящих постояльцев, однако чутье подсказало ему, что здесь что-то не так. Он выбежал из комнаты и с тревогой помчался к управляющему отеля Альфреду Льюису^[20]. Однако пройдет еще примерно полчаса, прежде чем Льюис позвонит в полицию Ньюхевена и сообщит им, что преподобный Хью Томас был обнаружен мертвым в своей постели. Подобное промедление было вызвано, очевидно, тем, что первой реакцией Льюиса был поиск сиделки и врача, случайно остановившегося в отеле и прибывшего сюда накануне вечером. Обследовав тело Хью Томаса и побеседовав какое-то время с его сиделкой Анной Гибсон, доктор Т. У. Уильямс наконец сообщил Льюису, что смерть произошла в результате сердечного приступа.

Тело покойного Хью Томаса было перенесено в траурный зал, и директор похоронного бюро, наверное, немало удивился, когда прибывшая на следующий день Маргарет изъявила желание похоронить своего мужа на его родине, в Энглис, а не в Лондоне. Однако его изумление было, наверное, еще сильнее, когда он узнал, что г-жа Томас распорядилась как можно быстрее покончить со всеми формальностями. В 1898 году восемь-десять дней, прошедших с момента смерти до дня похорон, не были чем-то из ряда вон выходящим, однако Маргарет настояла на том, чтобы похороны состоялись в среду, 16 марта. Таким образом, у тех, кто про-

вожал Хью Томаса в последний путь, оставалось в распоряжении всего полтора дня для того, чтобы совершить все необходимые церемонии, изготовить гроб и перевезти тело покойного на церковное кладбище в Ллансаторн^[21]. Неудивительно, что смерть Хью Томаса привлекла внимание местной прессы к большому неудовольствию управляющего отелем Альфреда Льюиса, вряд ли обрадовавшегося той славе, которую эта новость принесла его отелю. Стоит отметить, что один журналист в своем репортаже упомянул тот факт, что, «поскольку причину смерти установил молодой лекарь, отпала необходимость в проведении следствия»^[22].

Полтора месяца спустя в соответствии с завещанием Хью Томаса Маргарет стала обладательницей состояния в размере 8094 фунтов 12 шиллингов, что составляет на сегодняшний день приблизительно полмиллиона фунтов стерлингов. Если у Генри Ллойда Картера, стряпчего, составившего завещание Хью Томаса и являвшегося одним из его душеприказчиков, и возникли сомнения, вызванные тем, что преподобный Томас отошел в мир иной через девять дней после составления завещания, или же тем обстоятельством, что он был похоронен спустя три дня после своей внезапной смерти, то он не заявил об этом публично, а возможно, никому не говорил об этом и в частной беседе. Сделай он это, власти наверняка распорядились бы провести следствие. Что же показали бы результаты этого расследования?

Прежде всего, полиция наверняка бы захотела установить причину смерти. По словам д-ра Эндрю, причиной летального исхода явилась *Influenza Morbus Cordis Syncope*, что в действительности переводится как «инфлюэнца, слабость сердца»^[23]. Диагноз этот настолько расплывчат, что вряд ли мог бы быть признан сегодня удовлетворительным. Им можно описать фактически любое сердечное заболевание, а формулировка диагноза означает всего лишь то, что смерть наступила в результате остановки сердца!

Совершенно очевидно, что полиция захотела бы узнать более точные причины смерти. Вполне вероятно, что полицейские пожелали бы побеседовать о состоянии здоровья преподобного Томаса с его личным врачом и, уж вне всякого сомнения, с д-ром Эндрю. Именно на этом этапе у следователей возникли бы куда более серьезные вопросы, поскольку им очень быстро удалось бы установить, что никакого врача по имени Т. У. Уильямс, члена Королевской корпорации хирургов, не существует и в природе^[24].

Королевская корпорация хирургов, членом которой якобы являлся Эндрю, сообщила бы, что в ее списках не значится ни одного врача, носящего эту фамилию. Главный медицинский совет сверился бы со своими списками, в которые заносились все практикующие врачи Великобритании, но также не обнаружил бы никакого д-ра Т. У. Эндрю. Возможно, полиция связалась бы с д-ром Томасом Эндрю, лицензиатом корпорации хирургов, единственным Т. Эндрю из всего списка^[25]. В результате беседы с ним они бы узнали, что этот шестидесятиоднолетний врач из Дуна, графство Пертшир, ни разу не пересекал границу Англии за все время своей тридцатилетней медицинской практики. Кроме того, стало бы очевидным, что пожилой шотландец вряд ли мог быть «молодым лекарем», упомянутым в газете «Суссекс экспресс», или человеком, запомнившимся Луизе Льюис, дочери управляющего отелем^[26]. Неутешительные сведения, собранные полицией, наверняка побудили бы ее допросить Маргарет Томас, Анну Гибсон, соседей по дому и друзей Томасов. Все это неизбежно привело бы к тому, что следствие распорядилось бы эксгумировать тело и провести вскрытие.

Зная характер Маргарет, можно с уверенностью предположить, что она бы стойко держалась на следствии. Однако вполне вероятно, что другие свидетели упомянули бы некоего господина Розенблюма, а также то обстоятельство, что он регулярно появлялся у Томасов на Аппер-Вестбурн-террас и в Мэнор, Кингсбери. Возникли бы у полиции какие-либо подозрения относительно цели его визитов и отношений с Маргарет Томас? А может быть, подозрения полицейских усилились еще больше, если бы стало известно, что Зигмунд Розенблюм является еще и консультантом по вопросам химии, членом Химического института и Химического общества и имеет легкий доступ к аптекарским снадобьям? А если бы ищейки установили, что

«молодой лекарь» и молодой химик – одно и то же лицо? К своему немалому удивлению, они бы обнаружили, что двадцатичетырехлетний Розенблюм приехал в страну всего лишь два года назад и хорошо известен Особому отделу Скотленд-Ярда.

К великому счастью для Зигмунда Розенблюма, никакого расследования этих обстоятельств, разумеется, проведено не было. Тем не менее, имея в нашем распоряжении все перечисленные факты, можем ли мы реконструировать последовательность событий, предшествовавших смерти Хью Томаса в тот воскресный день?

Если предположить, что смерть Томаса не была случайностью, а явилась преднамеренным убийством, то это означает, что нам надо искать мотивы и способы совершения этого преступления. Для Зигмунда Розенблюма Хью Томас был досадной помехой, стоявшей между ним и двумя главными целями, которые он стремился достичь. Со смертью Томаса Маргарет становилась не просто вдовой, а очень богатой вдовой, женитьба на которой открывала для Розенблюма путь к осуществлению по крайней мере одной своей цели – завладеть ее имуществом.

Брак с Маргарет также позволял Розенблюму решить еще одну не менее важную задачу – глубоко «похоронить» все, что касалось его истинного происхождения и имени, и взять себе новую, вымышленную биографию.

Хью Томас в период своего служения викарием в Олд-Ньютоне, графстве Суффолк (прибл. 1860 г.)

Другое немаловажное обстоятельство, имеющее отношение к смерти Томаса, возможно, таится в оставленном им завещании. Невинная фраза из одиннадцати слов «а в случае появления потомства у меня и моей жены Маргарет» предполагает развитие целого сценария, вероятность которого ранее никому не приходила в голову. Были ли эти слова благим пожеланием шестидесятичетырехлетнего джентльмена, страдающего болезнью Брайта, или же они были продиктованы тем обстоятельством, что Маргарет уже к этому времени была беременна? По мнению лондонских юристов Кингсфорда, Стейси и Блекуелла, внимательно изучивших содержание завещания, этот пункт имеет чрезвычайно важное значение, ибо «он не может быть стандартным условием или положением, вписанным по ошибке, поскольку в нем содержится недвусмысленное указание на потомка, которому причитается доля имущества его дяди»^[27]. Если Маргарет была действительно беременна, то уж скорее от Розенблюма, нежели от Хью Томаса. Если же ей суждено было разрешиться от бремени, то внешность ребенка, вне всякого сомнения, выдала бы его настоящего отца. Как отметил в своей книге «Железный лабиринт» Гордон Брук-Шеперд, еврейское происхождение Рейли было «написано большими буквами на его лице». Если бы отцовство ребенка стало очевидным, можно с уверенностью сказать, что Томас немедленно развелся бы с Маргарет, оставив ее без копейки денег, – такой вариант развития событий вряд ли был бы в интересах Маргарет и Розенблюма. Если бы Маргарет обнаружила свою беременность в конце 1897 года, то предстоящий отпуск мог послужить хорошим прикрытием смерти Томаса. Разумеется, Маргарет, организовавшая поездку, благо- разумно отсутствовала в отеле «Лондон и Париж» в те роковые выходные, покинув Лондон лишь через четыре дня после отъезда своего мужа.

Несомненно и то, что Розенблюм вряд ли смог бы спланировать убийство Хью Томаса без поддержки и молчаливого согласия Маргарет. К этому времени Маргарет находилась во власти чар Розенблюма и была по уши влюблена в него, о чем свидетельствует английский дипломат, вице-консул его величества Даррел Уилсон (см. главу 5). Болезнь Брайта, которой преподобный страдал на протяжении восьми лет, как нельзя лучше могла скрыть симптомы отравления мышьяком, которым Рейли щедро потчевал Томаса. Сама же болезнь лишь усиливала действие отравы, приводя к опуханию ног, потере аппетита и появлению крови в моче.

Яд мог попадать в организм постепенно, в виде патентованного снадобья, которым Розенблюм снабжал Хью Томаса. Маргарет также могла давать этот препарат в соответствии с инструкциями Розенблюма, добавляя его в еду и питье. Однако ни одно из этих объяснений не дает ответа на вопрос, кто же дал Томасу смертельную дозу в отеле «Лондон и Париж» вечером в субботу 12 марта. Если предположить, что Розенблюм прибыл в отель в обличье д-ра Т. У. Эндрю^[28], то он наверняка не захотел бы подвергать себя риску случайной встречи с Хью Томасом или быть непосредственным участником его отравления. Но если Розенблюм держался в тени, а Маргарет находилась в это время в Лондоне, в шестидесяти милях, то нам стоит в этом случае лучше присмотреться к Анне Гибсон, которая имела куда больше возможностей быть рядом с Томасом, поскольку была его сиделкой и занимала смежный номер.

Согласно семейным архивам Томасов, мисс Анна Гибсон, уроженке Клеркенеуэлла (предместье Лондона), было двадцать восемь лет, когда она поступила на службу к Томасам в марте 1897 года. Это означает, что она родилась где-то между мартом 1868 и апрелем 1869 года. Тщательный поиск свидетельства о рождении Анны Гибсон в архивах обнаружил только одну женщину с этим именем – родившуюся в Блофильде, Норфолк. Поскольку эта Анна Гибсон родилась не в Лондоне и уж точно не в Клеркенеуэлле, то нам придется допустить, что либо в документы закралась ошибка, либо по какой-то причине Анна, представляясь семье Томасов, скрыла свою настоящую фамилию, возраст и место рождения. Ближайшая к году ее рождения перепись населения проводилась в 1871 году. Тщательный поиск в документах клеркенеуэльской переписи двухлетних девочек по имени Анна обнаружил единственно возможного кандидата – Анну Люк, дочь Уильяма и Элизабет Люк. В свидетельстве о рождении Анны Люк

записано, что она родилась 5 января 1869 года, более того, девичья фамилия ее матери была Гибсон^[29]. Можем ли мы, таким образом, предположить, что Анна Гибсон, устроившаяся на службу в семью Томасов, и Анна Люк – одно и то же лицо? Если это так, то что же побудило Анну взять девичью фамилию своей матери? Ответ на этот вопрос, возможно, таится в обстоятельствах, связанных с отъездом Анны из Японии, где она устроилась на службу в одну очень богатую семью. Незадолго до возвращения Анны в Англию японские газеты вышли с сообщениями об убийстве на любовной почве. 22 октября 1896 года в Иокогаме Уолтер Кэрю был найден мертвым от отравления мышьяком, а его жена была арестована в тот момент, когда скандальные подробности этого дела достигли наивысшей огласки.

Как позднее выяснилось на суде, у миссис Кэрю был роман с молодым банковским служащим. Суд признал миссис Кэрю виновной и приговорил ее к смертной казни, однако казнь была заменена тюремным заключением. Кэрю выслали обратно в Англию отбывать срок в тюрьме Эйлсбери. На суде Кэрю не признала себя виновной в инкриминируемом ей преступлении и продолжала утверждать это до момента своего выхода из тюрьмы в 1910 году. Вплоть до своей кончины в 1958 году в возрасте девяноста лет Кэрю не прекращала настаивать на том, что в смерти ее мужа была замешана некая «Анна Люк».

Об истории убийства Кэрю, со всеми ее подробностями и неожиданными поворотами, можно было бы написать целую книгу. В контексте же обстоятельств смерти Хью Томаса нас, однако, интересуют лишь один ключевой вопрос: существует ли веское доказательство связи «Анны Гибсон» с делом Кэрю? Если Анна Гибсон прожила два года в Японии и вернулась в Англию в конце 1896-го или начале 1897 года, то она должна была покинуть туманный Альбион в конце 1894 или в начале 1895 года. обстоятельный поиск в архивах британского паспортного ведомства показал, что за конец 1894 и начало 1895 года этим ведомством не было выдано ни одного паспорта на фамилию Гибсон. Однако повторный поиск на фамилию «Люк» оказался более продуктивным: 13 декабря 1894 года на имя г-жи «А. Люк» был действительно выписан заграничный паспорт^[30]. Хотя мы не располагаем твердыми доказательствами того, что Анна Гибсон и Анна Люк одно и то же лицо, или же ее причастности к смерти Кэрю, косвенные улики дают нам серьезные основания сделать подобное умозаключение.

Узнал ли Розенблум каким-то образом тайну Анны и втянул ее, вольно или невольно, в преступление? До последних дней своей жизни Маргарет говорила о «большой ошибке», совершенной ею в молодости и лежавшей тяжким бременем на ее совести. Имела ли она в виду собственную причастность к смерти своего первого мужа?^[31] Однако Розенблум не был человеком, которого тяготили муки совести. Замысел и осуществление убийства Томаса были исполнены с необыкновенным коварством, хитростью и дерзостью – так же, как и все, что совершалось этим человеком на протяжении всей его дальнейшей карьеры. Это преступление, несомненно, можно квалифицировать как предумышленное убийство. 22 августа 1898 года в Холборне Розенблум и Маргарет Томас регистрируют свой брак. Женитьба на Маргарет принесет Розенблуму не только богатство, о котором он так давно мечтал, но и откроет путь для достижения второй его главной цели – похоронить навсегда Зигмунда Розенблума и взять совершенно новое имя. Именно под этим именем он и станет известен в мировой истории: Сидней Рейли². Новая и вполне правдоподобная биография была, как мы далее увидим, ключевым моментом для осуществления его желания – возвратиться в страну, где он родился.

² По-английски это имя пишется Sidney Reilly (произносится «Райли»). По-русски же Сидней Рейли подписывался «Райлли» или «Рейлли», а в дореволюционных публикациях и документах он фигурирует как «Райллэ», «Райлэ» или «Райле». В этой книге, однако, мы будем придерживаться написания, принятого в отечественной литературе, а именно – Сидней Рейли (Прим. пер.).

Глава 2. Человек ниоткуда

Более века писатели, исследователи, правительства разных стран и их разведки пытаются разобраться в тайне личности и происхождения Сиднея Рейли. Практически ни у кого не вызывает сомнений, что его настоящее имя было Зигмунд Розенблюм. Отчасти это объясняется тем, что сей, казалось бы, неоспоримый «факт» неоднократно приводился в многочисленных книгах и публикациях на протяжении долгого времени. О происхождении Рейли и его семьи писали многие авторы. По версии Робина Брюса Локкарта, Рейли родился «недалеко от Одессы»^[32]. Эдвард ван дер Роер также указывает местом его рождения «Одессу, черноморский порт»^[33], равно как Джон Костелло и Олег Царев^[34]. Майкл Кеттл, однако, утверждает, что Рейли родился в царской Польше^[35] – эту версию разделяют Кристофер Эндрю^[36] и Ричард Дикон^[37]. Рейли и сам рассказывал многочисленные истории о своем происхождении. В разное время его отцом был: ирландский капитан морского флота, ирландский священник, русский аристократ. У его жены Маргарет сложилось впечатление, что он был сыном богатого землевладельца и приехал из Польши или из России^[38]. В своей книге «Британский агент» Роберт Брюс Локкарт, дипломат, посланный в Россию Ллойдом Джорджем в 1918 году, утверждает, что родители Рейли были родом из Одессы, хотя далее в своих воспоминаниях он нигде не упоминает место рождения Рейли^[39]. Среди мест в Ирландии, где, по словам Рейли, он якобы родился, упоминаются Клонмель в Типперери и Дублин^[40]. Сопровождая бригадира³ Эдварда Спирса в Прагу в 1921 году, Рейли, якобы будучи на обеде в британской миссии, рассказывал присутствующим эпизоды из своего одесского детства. Когда же кто-то из сотрудников миссии спросил, почему в таком случае в его паспорте местом рождения указан Типперери, то Рейли будто бы ответил: «Была война, и я приехал сражаться за Англию. Мне нужен был английский паспорт и, соответственно, английское происхождение, а от Одессы, сами знаете, далеко до Типперери!»^[41] Пепите Бобадилья, на которой Рейли женился в 1923 году, он сказал, что ирландское происхождение нужно было ему как прикрытие, на самом же деле он родился от брака моряка ирландского торгового флота и русской матери в Петербурге и там же получил образование^[42]. Загадкой является не только место рождения Рейли, но и его возраст.

В первом издании своей биографической книги о Рейли, опубликованной в 1931 году, Пепита Бобадилья утверждала, что он родился в 1872 году^[43]. Во втором дополненном издании этой книги год рождения Рейли уже был изменен на 1874^[44]. Роберт Брюс Локкарт утверждал, что, когда они впервые познакомились, Рейли было около сорока шести лет, из чего можно заключить, что он родился в 1873 году^[45]. Метрические свидетельства, въездные документы и паспорта Рейли до 1917 года также указывают на 1873-й как на год его рождения^[46]. С момента своего зачисления в ряды Королевского авиационного корпуса в конце 1917 года Рейли, однако, во всех официальных документах указывает годом своего рождения 1874^[47]. Существует предположение, что, называя разные даты рождения, Рейли тем самым хотел обезопасить свою семью, поскольку был агентом иностранной разведки и боялся причинить ей вред в случае, если об этом станет известно^[48]. Однако чем лучше мы понимаем истинные мотивы Рейли и его поведения в последующие годы, тем больше мы убеждаемся в том, что он мало или вообще никак не интересовался судьбой своей семьи с того момента, как оставил ее; главной же его заботой было скрыть свое еврейское происхождение^[49]. Если бы Рейли написал автобиографию^[50] или выпустил авторизованную биографию, то, вне всякого сомнения, она бы мало

³ Бригадир – чин в английской армии, выше полковника, ниже генерал-майора. (Прим. ред.).

⁴ Намек на известную английскую песенку «Далеко до Типперери» (It's a long way to Tipperary), написанную на пари эстрадным автором Джеком Джайлзом в 1912 году и прославившую ирландское графство Типперери. В Первую мировую войну песня фактически стала неофициальным гимном английской армии и остается таковой по сей день. (Прим. ред.)

чем отличалась от книги «Король шпионов» Робина Брюса Локкарта. Это и неудивительно, если учитывать то обстоятельство, что основным источником информации о жизни Рейли в книге Локкарта были истории, рассказанные самим Рейли своим друзьям, коллегам и знакомым, особенно капитану Джорджу Хиллу.

По существу, «Король шпионов» представляет Рейли таким, каким тот сам хотел бы видеть себя глазами потомков. По версии Робина Брюса Локкарта, Рейли родился в мелкой помещичьей семье в самой Одессе или недалеко от нее и при рождении был окрещен Георгием. Его отцом был мелкий дворянин, полковник, имевший связи при дворе. У Георгия и его старшей сестры было благополучное детство, их воспитанием и образованием занимались домашние учителя. Чтобы нагнать еще большего тумана вокруг своего происхождения, Рейли всегда был очень осторожен и никогда не раскрывал подлинной фамилии своих родителей.

В возрасте шестнадцати лет Георгий отправился в Вену для прохождения трехгодичного курса химии, где познакомился с доктором Розенблумом, лечащим врачом его матери. В Вене Георгий делает большие успехи, совершенствуется в знаниях и ведет беспутный образ жизни. Там же молодого человека вовлекают в деятельность социалистического кружка, что в конечном итоге кончается его арестом русской императорской тайной полицией – охранкой⁵. Родители Георгия использовали все свои связи, чтобы добиться освобождения сына, однако к этому времени его мать, и прежде страдавшая серьезным недугом, скончалась. В день выхода Георгия из тюрьмы его дядя в присутствии собравшихся родственников назвал Георгия «ублюдком», незаконным ребенком, родившимся от связи его матери с доктором Розенблумом, еврейским доктором из Вены, который был ее лечащим врачом.

Сгорая от стыда от обвинения во внебрачном происхождении, Георгий уходит из семьи, берет фамилию Розенблум, оставляет записку о своем намерении утопиться в водах одесского порта, а сам ступает на борт корабля, отправляющегося в Южную Америку. В течение трех лет он меняет одну профессию за другой до того момента, пока его не нанимают коком на судно три английских офицера, отправляющихся в экспедицию по амазонским джунглям. Все идет вполне благополучно, пока туземцы не нападают на членов экспедиции. В типично мелодраматической манере Розенблум выхватывает из рук офицера пистолет и отбивает атаку туземцев практически голыми руками. Как позже выяснилось, одним из трех офицеров был майор британской секретной службы Фозергилл. В качестве вознаграждения он выдал Розенблumu чек на полторы тысячи фунтов, билет для проезда в Англию, английский паспорт да еще и устроил на работу в секретную разведывательную службу. Эта захватывающая дух история, однако, не выдерживает никакой критики, если мы подвергнем ее более тщательному анализу.

Начнем с того, что в 1890 году в Англии еще не существовало секретной службы, а в метрических свидетельствах, хранящихся в Государственном архиве Одесской области, нет и намек на мальчика по имени Георгий, отцом которого был полковник, – это имя не встречается ни в 1872, ни в 1873, ни в 1874 году^[51]. Доктор Розенблум также отсутствует в материалах венской городской переписи за 90-е годы^[52], а поиск в архивах Венского университета и Венского технического университета не обнаружил ничего о студенте соответствующего возраста, приехавшем из Одессы изучать химию^[53]. Более того, в газетах и архивах Великобритании и Бразилии нет ни малейшего упоминания об экспедиции на Амазонку в упомянутый период, равно как и об участвовавших в ней офицерах британской армии и майоре Фозергилле^[54]. Эти

⁵ Неточность. Охранка или, точнее, Охранное отделение, было органом политической полиции на местах и подчинялось в своей основной деятельности Департаменту полиции (политический сыск, борьба с революционерами и внедрение своих агентов в их среду). Наряду с сетью «районных» (т. е. региональных) охранных отделений, действовавших на территории Российской империи, существовала еще и так называемая «заграничная агентура» со штаб-квартирой в Париже, собиравшая через своих агентов информацию о деятельности русских политических эмигрантов, организаций и партий в Европе и США. Департамент полиции и все подчинявшиеся ему структуры политического сыска, включая охранные отделения, прекратили свое существование после Февральской революции. Слово «охранка» стало обозначением органов политического сыска в дореволюционной России. (Прим. пер.)

открытия, однако, вряд ли вызовут удивление, поскольку семья, в которой родился и вырос Рейли, не была ни русской, ни дворянской.

Абрам Розенблюм родился в Гродненской губернии примерно в 1820 году^[55]. Он и его жена Сара первыми ушли из семьи, покинули Польшу и обосновались в начале пятидесятых годов XIX века в Херсонской губернии, на территории которой находилась Одесса. Старший брат Абрама Янкель (Якоб)^[56] женился на Хане (Генриетте) Брамсон^[57] из Ломжи в Белостокском уезде в 1840 году. Их сын Зеев (Владимир) и Герш (Григорий) родились там же соответственно в 1843 и 1845 годах. Григорий женился на Перле (Паулине) – красавице на семь лет моложе его, происходившей из зажиточной херсонской семьи. Однако, по многочисленным свидетельствам, брак оказался неудачным. Согласно составленному позже семейному древу, у Григория и Паулины было трое детей: Мариам (Мария), Шломо (Саломон – будущий Сидней Рейли) и Элка (Елена)^[58]. Если верить семейным преданиям, Григорий не был родным отцом Саломона. Согласно одному из них, у Паулины была внебрачная связь с близким родственником Григория, который был гораздо ближе ей по возрасту. Уладили ли позже свои отношения Паулина и Григорий, нам доподлинно не известно. Эти слухи явно не соответствуют тому, что сам Рейли поведал Джорджу Хиллу, однако мы бы не хотели отвергать его рассказ как полную выдумку. Слух о неверности Паулины, вне всякого сомнения, нашел свое отражение в рассказе о том, как Георгий с горечью узнал, что он появился на свет в результате внебрачной связи между его матерью и доктором Розенблюмом. Если этот слух имеет под собой хоть какое-то основание и Григорий не был родным отцом Саломона, то кем же все-таки был его настоящий отец?

Первая и наиболее вероятная кандидатура, которая приходит в голову, – это брат Григория, Владимир, поскольку известно, что он был врачом. Примерно в этот период между братьями вспыхнула сильная ссора, приведшая к полному разрыву отношений, что в какой-то степени делает эту версию более правдоподобной. Однако Владимир был старше Григория, и это не очень согласуется с семейной легендой о том, что отец Саломона был примерно ровесником Паулины. Если, как мы уже в этом убедились, доктор Розенблюм не проживал в Вене, то есть ли вероятность того, что существовал другой доктор Розенблюм, живший в окрестностях Одессы, которого мы можем рассматривать как еще одного кандидата на роль подлинного отца Саломона?

Одесса того времени была важнейшим военно-морским округом, где проходили службу врачи, многие из которых жили в Одесской губернии, не будучи заняты исполнением своих обязанностей. Хотя на начало и середину семидесятых годов мы не нашли ни одного упоминания о докторе Розенблюме, в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве обнаружили следы некоего доктора М. Розенблюма, проживавшего в Одессе на Маразлиевской улице и получившего диплом врача в 1879 году. Согласно его послужному списку, им оказался не кто иной, как Михаил Абрамович Розенблюм, сын Абрама Розенблюма и, соответственно, двоюродный брат Григория. Родившийся в Херсоне, примерно в девяносто милях к востоку от Одессы, в 1853 году, он был на один год моложе Паулины^[59]. Таким образом, мы можем рассматривать Михаила как достаточно серьезную кандидатуру на роль «близкого родственника семьи», который, возможно, и являлся родным отцом Саломона.

Недавно сделанная находка, хоть и не является окончательным доказательством, тем не менее может служить еще одним подтверждением в пользу нашей догадки. В коллекции семейных фотографий, найденных в мае 2001 года, сохранился снимок подростка, которого сначала по ошибке приняли за юного Рейли. Однако, как позднее удалось установить, на этой фотографии был изображен Борис Розенблюм, сын Михаила Розенблюма^[60]. При сравнении этого изображения с фотографией Рейли примерно того же возраста^[61] сходство оказалось разительным. Если Михаил Розенблюм действительно был отцом Рейли, то два человека, изображен-

ные на фотографиях, неправдоподобно похожи друг на друга – и это при том, что у них был только один общий родитель.

Однако на сегодняшний день все попытки найти документы, подтверждающие место и дату рождения Рейли, пока остались безуспешными^[62], хотя новые факты, о которых мы скажем ниже в этой главе, еще больше усиливают наши подозрения, что этим местом был Херсон – родной город Михаила и Паулины Розенблюмов. Это противоречит утверждению, что Рейли родился в Одессе, однако вероятность того, что именно там он провел свое детство и юность, весьма велика. Свои способности к иностранным языкам Рейли, возможно, унаследовал от Михаила Розенблюма, владевшего многими языками, – возможно, и благодаря тому, что Одесса, в которой он вырос, была городом-космополитом. К середине восьмидесятых годов XIX века русскоязычное население Одессы составляло примерно 49,3 %, украинцы – 9,4 %. Остальные 41,3 % говорили на сорока девяти языках^[63]. Немецкие поселенцы в Одессе, насчитывавшие десятки тысяч, жили колониями, называвшимися Большой Либенталь, Малый Либенталь и Люстдорф. Жителями Одессы были также англичане, французы, итальянцы и греки, а также представители практически всех этнических групп, населявших Российскую империю. Иными словами, в Одессе была идеальная атмосфера, в которой такие люди, как Рейли, могли совершенствоваться в иностранных языках.

Образование, равно как и многие эпизоды юности Рейли, до сегодняшнего дня остаются загадкой. Когда Рейли впервые познакомился со своей будущей женой Маргарет Томас, то он сказал ей, что изучал химию в русском университете, из которого был вынужден уйти из-за своего участия в деятельности студенческого политического кружка^[64], – факт, который также фигурирует в эпизоде с «Георгием», рассказанном им двумя десятилетиями позже Джорджу Хиллу. По версии, которую Рейли поведал Маргарет, он получил образование в одном из университетов в Германии, хотя ни в одном из немецких университетов не найдено следов его пребывания.

Однако Охранное отделение вело учет всех русских студентов, учившихся за границей, которые были заподозрены ею в симпатиях к неблагонадежным лицам или контактах с ними^[65]. Особый интерес вызывает карточка из картотеки заграничной охраны, в которую были занесены данные на некоего студента-химика из Одессы, Леона Розенбаума, известного также под именем Розенблатт. Эти фамилии приобретают особое значение, если учесть, что в досье, заведенном на Рейли французской контрразведкой Второе бюро⁶, он фигурирует также под именами Леон Розенбаум и Леон Розенблатт.

Если же Розенблюм действительно какое-то время и прожил в Германии после своего отъезда из России, то, вероятно, именно там он поменял имя Саломон на германизированное Зигмунд.

Какова бы ни была причина, заставившая Рейли покинуть Россию, мы знаем лишь, что он уехал в большой спешке. Помимо легенды о «Георгии», согласно которой отъезд Рейли из России был вызван чувством стыда за свое внебрачное происхождение, существует еще и версия о том, что он якобы участвовал в деятельности студенческого политического кружка. Были высказаны также и другие предположения. Майкл Кеттл, к примеру, утверждает, что Рейли «страстно влюбился в свою двоюродную сестру», что привело в ужас их родителей, «категорически возражавших против брака»^[66]. Это якобы вынудило Рейли разорвать отношения со своей семьей и уехать за границу^[67]. Хотя Кеттл в своей книге нигде не раскрывает имя девушки, из источников, на которые он ссылается, становится ясно, что речь идет о Фелиции^[68], дочери родного дяди Рейли Владимира. Гордон Брук-Шеперд, возможно, прав, когда пишет в своей книге «Железный лабиринт», что, будучи человеком, не имеющим никаких моральных принципов, «он скорее сбежал бы со своей кухней, нежели послушался запрета»^[69]. В реаль-

⁶ Второе бюро (Deuxième Bureau) – разведывательное управление французского Генерального штаба. (Прим. пер.)

ности же Рейли и его двоюродная сестра, как мы увидим ниже, никогда не теряли друг друга из виду. Из этих двух версий наиболее правдоподобной нам кажется та, которая была рассказана Маргарет Томас. Она подтверждается еще и тем фактом, что в 1892 году в Одессе прокатилась волна студенческих волнений, приведших к тому, что охранка принялась разыскивать зачинщиков этих беспорядков^[70].

Если Рейли покинул Россию через Одессу – и это единственное «если», – то нам не удалось найти подтверждения того, уехал он с паспортом на свое имя или на имя кого-то из своих сообщников^[71]. Разумеется, он мог покинуть Россию и вполне законным путем, однако, зная его характер и манеру поведения в последующие годы, этот вариант мы полагаем маловероятным. Нелегальный выезд из страны был связан с риском, и к нему прибегали только в самом крайнем случае. Это было уголовным преступлением, которое, будь оно совершено человеком в возрасте Рейли, могло быть воспринято властями как уклонение от воинской повинности. Возвращение в Российскую империю или проезд через ее территорию был возможен только с документами на другое имя – в противном случае его неизбежно ждал арест.

Как и многие другие эмигранты до него, Рейли направился в Париж. По агентурным сведениям, собранным о нем Вторым бюро^[72], Рейли Жил в Париже в течение 1894–1895 годов под именами Розенблатт и Розенбаум^[73]. Париж в то время был не только центром русской эмиграции крайнего толка, но также и крупнейшим оперативным центром охранки за пределами России. В Париже Розенблюм заводит знакомства со многими русскими политэмигрантами. Однако его сближение с ними было скорее реакцией на антисемитскую политику царского режима, нежели поиском какого-либо политического кредо. Было бы большой ошибкой полагать, что у Рейли были какие-то определенные политические убеждения или приверженность каким-то взглядам в принятом смысле этого слова, как в это время, так и позже. Главной движущей силой всех поступков Рейли была не идеология, а деньги и удовольствия, которые эти деньги могли принести. Незаконные способы их добывания, похоже, и послужили причиной его исчезновения из Франции год спустя. По мнению адвоката Артура Эбрахамса^[74], познакомившегося позже с Розенблюмом в Англии, его неожиданный приезд в Лондон в декабре 1895 года был напрямую вызван тем, что он во Франции мошенническим путем раздобыл крупную сумму денег, из-за чего ему пришлось срочно скрыться из страны.

Сорок лет спустя проживавший в Париже русский эмигрант Ян Войтек (он же Александр Мацеборук) связался с представителями английской разведки и предложил им информацию о преступном прошлом Рейли в обмен на разрешение на въезд в Великобританию. Хотя СИС и отвергла предложение Войтека, позднее он поделился своими воспоминаниями с также проживавшим в Париже русским журналистом Николаем Алексеевым. По словам Войтека, Рейли и его сообщник совершили нападение в вагоне поезда на двух анархистов и отобрали у них значительную сумму денег. До недавнего времени эта история фактически оставалась не более чем бездоказательным утверждением. Однако кропотливое расследование французского исследователя Мишеля Амьё, проведенное им весной 2003 года, позволило найти документальное подтверждение словам Войтека. Так, внимательно изучив французскую криминальную хронику того времени, Амьё натолкнулся на заметку, помещенную в газете «Юньон републикэн де Саон э Луар» от 27 декабря 1895 г., которая гласила:

«Трагическое происшествие в поезде Париж – Фонтенбло... Открыв дверь одного из вагонов, железнодорожные служащие обнаружили в нем несчастного пассажира, лежащего без сознания в луже крови, с перерезанным горлом и многочисленными следами ножевых ранений на теле. В ужасе от увиденного, железнодорожники немедленно вызвали следователя по особо важным делам, который начал предварительное следствие и распорядился доставить раненого в больницу в Фонтенбло.»

Далее в газетном отчете сообщалось, что на следующий день пополудни этот человек на короткое время пришел в себя и был допрошен служащими прокуратуры. Сообщив им лишь,

что ему 37 лет и что он итальянец по имени Констант Делла Касса, он не мог или не желал рассказать им подробности того, что произошло с ним в тот злополучный день. По словам Делла Касса, на станции Сен-Морби он подвергся вооруженному нападению. Он отказался говорить, какую сумму у него отняли грабители и был ли с ним в купе кто-нибудь еще. Однако французские следователи были убеждены, что это была значительная сумма, так как в поезде грабители обронили 362 франка. Билет, найденный в кармане сюртука несчастного, указывал на то, что он сел на поезд на станции Мезон-Альфор. Хотя Делла Касса не дал никаких описаний напавших на него людей, полиции удалось найти свидетелей, видевших двух мужчин, сходящих с поезда на следующей станции после Сен-Морби.

На следующий день, 28 декабря, газета «Сантр» сообщила о том, что Делла Касса скончался от ран в госпитале Фонтенбло по рю де Норманди, 3. В заметке также сообщалось о том, что полицией было установлено, что убитый являлся анархистом. Хотя французские власти немедленно начали расследование, следствию так и не удалось пролить свет на это убийство или произвести дальнейшие аресты в связи с этим делом. К тому времени, когда «Сантр» вышла с сообщением о смерти Делла Касса, по крайней мере один из преступников уже находился на пути в Англию.

Причина, по которой в качестве укрытия был выбран именно Лондон, состояла в том, что в английскую столицу стекались эмигранты со всей Европы, которым по давней британской традиции предоставлялось убежище как жертвам политического преследования.

Для того чтобы добраться до Лондона, Розенблюм скорее всего воспользовался железнодорожно-водным маршрутом, начинавшимся от Северного вокзала и лежавшим через Дьепп и Ньюхевен. По расписанию 1895 г., паром «Тамиз» отправлялся из Дьеппа в Ньюхевен в час пятнадцать дня. Отель «Лондон и Париж» был, по-видимому, первой достопримечательностью, которую Розенблюм увидел, приближаясь к берегам Англии. Пройдет еще десять лет, прежде чем в Соединенном Королевстве начнут хоть сколько-нибудь серьезную проверку иностранных граждан, въезжающих на ее территорию. Однако в тот момент Розенблюм беспрепятственно прошел таможеню и проследовал далее поездом в Лондон.

Не будучи стесненным в средствах и являясь заложником своих привычек, Розенблюм почти наверняка поселился в комфортабельном отеле, прежде чем снял постоянное жилье. Согласно сведениям из муниципальных архивов, в начале 1896 года он переехал в Альберт-меншнз, новый престижный доходный дом на Розетта-стрит, в районе Ламбет^[75]. В лондонском Сити он приобретает маленькую контору из двух комнат на Бери-стрит, 9, где и основывает свою фирму «Розенблюм и Ко»^[76]. Выдавая себя за консультанта-химика, Розенблюм на деле был не более чем торговцем патентованных препаратов, пускавшим пыль в глаза окружающих. Не прошло и полгода, как его принимают в члены Химического общества^[77], а через девять месяцев он становится членом еще более престижного Химического института^[78].

Для того чтобы стать членом института, Розенблюму нужно было не только продемонстрировать определенный уровень знаний в области химии^[79], но и заручиться рекомендациями и финансовой поддержкой со стороны других его членов. Косвенные свидетельства подтверждают, что Рейли преуспел и в этом. Нам известно, например, что его сосед по Альберт-меншнз Уильям Фокс^[80] был членом Химического института с 1889 года, а другой член этого института, Бовертон Редвуд, был также членом Русского технического общества, в коем состоял и Розенблюм. Еще одним русским «контактом» Розенблюма в Химическом институте, хотя и косвенным, была Люси Буль, сестра писательницы Этель Войнич (урожденной Буль).

По утверждению Робина Брюса Локкарта, Этель познакомилась с Зигмундом Розенблюмом в Лондоне в 1895 году и стала его любовницей^[81]. Далее Локкарт утверждает, что они поехали в Италию на последние 300 фунтов, которые оставались у Зигмунда. Во время этого путешествия Розенблюм якобы «открыл душу своей любовнице» и поведал ей правду о своем таинственном прошлом. Спустя какое-то время после их непродолжительных отношений, в

1897 году, Войнич выпустила в свет роман «Овод», тут же получивший высокую оценку критиков. По словам Розенблюма, факты его юности и легли в основу биографии главного героя романа, Артура Бертона^[82].

В действительности этот эпизод может служить еще одним примером исключительных мифотворческих способностей Розенблюма. Более подробно о замысле и подлинной истории создания этого замечательного произведения можно прочесть в *Приложении 1*.

Этель Войнич была значительной фигурой не только в литературе поздней викторианской эпохи, но и среди русской эмиграции. Поэтому удивительно, что все писавшие о Сиднее Рейли практически обошли молчанием политическую роль, которую играла Войнич в то время, а ведь именно ее окружение и таит в себе ключ к разгадке многих сторон жизни Рейли в Лондоне. Именно в доме своей матери по Лэдброукгроув, 16, в Ноттинг-Хилле, Этель впервые познакомилась с Сергеем Кравчинским, фактическим лидером и душой русской эмиграции в Лондоне. Кравчинский, или Степняк, как он сам себя называл, скрылся из Петербурга в 1878 году, где среди бела дня нанес смертельный удар кинжалом шефу жандармов генералу Мезенцеву⁷. Этель предложила Степняку свою помощь в революционной работе и немедленно стала помогать ему в организации «Общества друзей русской свободы». Вскоре она становится членом совета общества и членом редакционной коллегии ежемесячного издания «Свободная Россия». Через Степняка она знакомится с другими революционерами, такими, как Элеонора Маркс, Фридрих Энгельс, Георгий Плеханов, а также с человеком, за которого она впоследствии выйдет замуж, – Вильфредом Войничем.

В 1895 году Степняк трагически погибает под колесами поезда, и с его смертью Вильфред Войнич начинает играть более активную роль в тайной деятельности общества. Будучи владельцем книжного магазина в Лондоне, Войнич использует его как хорошую вывеску для прикрытия контрабанды в Россию, через целую сеть курьеров издаваемой обществом пропагандистской литературы. У охраны были достаточно веские основания подозревать, что под видом коммерческих операций Войнич собирал и отмывал деньги революционных касс. Вряд ли можно сомневаться, что английские власти также были хорошо осведомлены о том, чем занимается Войнич. Не вызывает никаких сомнений и тот факт, что кто-то из доверенных лиц Войнича был информатором, но кто был этой таинственной личностью? Есть ли у нас основания подозревать, что этим человеком был Розенблюм? Действительно, между Зигмундом и Вильфредом было много общего, что, по всей видимости, и позволило Рейли втереться к нему в доверие: Вильфред родился близ литовского города Ковно⁸, как и двоюродный брат Розенблюма, Лев Брамсон^[83]. Будучи примерно одного возраста и исповедуя радикальные политические взгляды, Вильфред и Брамсон, несомненно, вращались в одних кругах и были знакомы друг с другом задолго до того, как Вильфред Войнич и Зигмунд Розенблюм переехали в Лондон.

То, что они были действительно друзьями и партнерами, подтверждается донесением Заграничной агентуры Департамента полиции о членах «Общества друзей русской свободы», в котором утверждается, что Розенблюм был близким другом Войнича и в особенности его жены. Он сопровождал ее повсюду, даже в поездках на континент^[84]. Можно ли относиться к этому документу как к свидетельству о романтических отношениях между Зигмундом и Этель^[85]? Вопрос спорный. По собственным словам Этель, в то время она была активным курьером, выполнявшим поручения «Свободной России», и часто выезжала за границу. Вильфред, возможно, интуитивно считал, что Этель нуждается в защитнике-компаньоне, который бы сопровождал ее в поездках, поскольку нисколько не сомневался, что агенты русской полиции будут

⁷ Мезенцев (Мезенцов) Николай Владимирович (1827–1878) – генерал-адъютант, с 1864 по 1876 – начальник штаба Корпуса жандармов, затем – шеф жандармов и главноуправляющий III отделения. (Прим. пер.)

⁸ Ныне Каунас. (Прим. ред.)

обязательно следить за ее передвижениями. Кто лучше подходил для этой роли, чем верный друг Зигмунд?

Согласно тому же донесению Заграничной агентуры, другими активными членами «Общества друзей русской свободы» были:

«Аладын и его жена (43, Sulgrave Road, Hammersmith, W). Переселились в Лондон из Парижа и сначала принимали деятельное участие во всех собраниях русских и польских революционеров, но теперь в виду нависшего на них подозрения в шпионстве, совершенно устранились от всяких сношений и бывают только о Гольденберга.»

Гольденберг, Леон (15, Augustus Rd, Hammersmith W.) Со времени своего прибытия из Нью-Йорка, в апреле 1895 г., состоит главным управляющим конторой “Общества друзей освобождения России” и поддерживает сношения почти со всеми русскими и польскими революционерами.

Волховский, Феликс (47, Tunley Rd, Tooting, S.W.) Деятельный революционер, часто читает рефераты, – преимущественно на тему о своей ссылке в Сибири; после смерти Кравчинского занял его положение.

Чайковский Николай Васильев; известный эмигрант; среди поляков считается агентом русского правительства. За последнее время с ним сошелся грек Мицакис (№ 90), довольно часто ездящий в Петербург. проживает 1, College Terrace, Harrow.

Ротштейн, Федор (65, Sydney St, Mile End, E.); выступал на последнем социалистическом конгрессе в Лондоне под именем Духовецкого. Очень деятельный революционер, вращается в русских и польских кружках. Принимал активное участие в последней революционной демонстрации лондонского пролетариата в Трафалгарском сквере, где занимал место на цоколе самой Нильсенской колонны, рядом с другими ораторами.

Войнич, он же Келчевский (Great Russel Mansions, Great Russel Street, W.C.; Контора: Soho Square, W). Прежде принимал активное участие в революционном движении, но теперь более занимается литературными работами, – тоже на революционные темы. Содержит международную социалистическую библиотеку. Жена – англичанка, пишет романы»⁹.

Поразительная удачливость, с которой Вильфред Войнич добывал редкие средневековые манускрипты, породила целый ряд предположений, объясняющих неожиданное появление на свет прежде никому не известных древних рукописей. Так, по одной из таких версий, он приобретал в Европе неиспользованную средневековую бумагу и, используя свои химические знания, делал «средневековые» чернила и краски для изготовления «древних» манускриптов. Один из работников, служивших ранее у Войнича, Миллисент Соуерби, подтвердил, что продавал чистые листы XV века избранным клиентам по шиллингу за лист^[86]. Поскольку мы располагаем свидетельством того, что Войнич по крайней мере имел возможность доставать старинную бумагу, то нельзя исключить и то, что он или Розенблюм также причастны к изготовлению «средневековых» красок и чернил. Для человека, занимающегося изучением

⁹ Имя Зигмунда Розенблюма было включено в розыскной циркуляр Департамента полиции № 4900 «Список лицам, за коими по возвращении в пределы России надлежит установить секретное наблюдение», а на самого Розенблюма заведено отдельное дело, в котором, однако, нет ничего, кроме упомянутого циркуляра (ГА РФ. Ф. 102. 00. 1903. Д. 736). Когда рукопись перевода этой книги уже находилась в издательстве, в архиве Заграничной агентуры Департамента полиции мною (Д. Б.) был обнаружен документ, на основании которого за Розенблюмом было предписано вести негласное наблюдение в случае его возвращения в Россию. Это составленный в феврале 1903 г. Л. А. Ратаевым список проживавших в Лондоне русских и польских политэмигрантов с краткой справкой на каждого из них. Агентурное описание Розенблюма заслуживает того, чтобы его привести полностью: «Розенблюм, Сигизмунд (Keynsham, близ Бристоль, где у него имеется мыловаренный завод). Близкий приятель Войнича и, в особенности, его жены. Всюду сопровождает последнюю, даже когда она уезжает на континент. Женат на богатой англичанке. Недавно привлекался к ответственности за ложную присягу, данную по случаю принятия его в великобританское подданство. Приметы: 33 лет, роста среднего, длинный нос, бронет, остроконечная борода, внешний вид приличный» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Лит. А. Л. 84 об. – 85). На сегодняшний день эти два документа являются единственными найденными в российских архивах документальными подтверждениями тому, что Зигмунд Розенблюм находился в поле зрения русской тайной полиции. (Прим. пер.)

химического состава этих веществ, лучшее место, чем библиотека Британского музея, хранящая в своих недрах колоссальное количество древних манускриптов и трудов по средневековому искусству, наверное, трудно себе представить.

Кропотливый поиск в музейных реестрах в конце концов принес свои плоды. 17 декабря 1898 года некий Зигмунд Розенблюм написал на имя главного библиотекаря прошение с просьбой выдать ему читательский билет для занятий в читальном зале библиотеки.

В заявлении Розенблюм написал о себе, что он «химик и физик», желающий изучать средневековое искусство. К прошению было приложено рекомендательное письмо от адвокатской конторы «Уиллетт энд Сандфорд», в котором среди прочего содержится интригующая фраза о том, что «Розенблюм занимается научными изысканиями, имеющими большую важность для общества»^[87]. Получив читательский билет, Розенблюм приступил к своим исследованиям со 2 января 1899 года. Правда, у него были и другие причины заниматься этим исследованием, о чем мы более подробно расскажем ниже.

Если Розенблюм информировал полицию о Войниче, то кто был тот человек, который читал его доносы? Незадолго до создания в 1909 году Бюро секретной службы (предшественника МИА и МИБ) эмигрантскими делами ведало Особое отделение полиции Большого Лондона. «Отделение» было, в свою очередь, создано в 1887 году как преемник Особого ирландского отделения (ОИО). Однако, в отличие от ОИО, новое Особое отделение обладало более широкими функциями, нежели просто борьба с ирландскими террористами. Возглавляемый шотландцем Джоном Литтлчайлдом, штат отделения насчитывал не более тридцати сотрудников. В апреле 1893 года Литтлчайлд вышел в отставку и основал свое собственное частное сыскное агентство. На смену ему пришел Уильям Мелвилл. Именно под его руководством Отделение сильно расширило свой штат, приобрело репутацию и заявило о себе как о могущественной силе в мире секретных агентств^[88].

Уильям Мелвилл родился в 1850 году в католической семье в городке Сним, графство Керри. В 1872 году он поступил на службу в полицию Большого Лондона, работая в Особом ирландском отделении со дня его основания в 1883 году^[89]. Будучи, несомненно, самым интересным и незаурядным человеком, который когда-либо возглавлял Особое отделение, он пробыл на этом посту десять лет до момента своей загадочной отставки в самый пик своей полицейской карьеры в 1903 году. Незадолго до своего назначения Мелвилл служил в отделе «Б», занимаясь контрэмигрантскими операциями – работой, дававшей ему возможность узнавать всю подноготную жизни политических эмигрантов и различных эмигрантских кружков, а также «нежелательных» личностей всех мастей. По описанию своих сослуживцев, это был «широкоплечий мужчина, обладавший невероятной силой и выдающейся отвагой»^[90]. По полицейским донесениям и газетным статьям, Мелвилл предстает как чрезвычайно успешный и целеустремленный полицейский – полная противоположность тому, каким изображали главу сыскного отдела Скотленд-Ярда популярные издания того времени.

Уильям Мелвилл, грозный глава Особого отделения Скотленд-Ярда, создавший Сиднея Рейли

Секрет успеха Мелвилла заключался в том, что у него была обширная сеть информаторов. Будучи педантичным человеком, он скрупулезно проверял мельчайшие детали жизни своих агентов, и именно его тщательно подобранной и выпестованной информаторской сети мы обязаны надежным документальным подтверждениям места и даты рождения Рейли. Перед своим избранием членом Химического общества 18 июня 1869 года Розенблюму необходимо было представить официальную справку о дате и месте своего рождения. Пока комитет общества принимал решение о членстве Розенблюма, справка находилась в обществе и ее содержание было тщательно изучено одним из офицеров Мелвилла, который, удовлетворившись подлинностью документа, написал в своем донесении, что Розенблюм «родился 11 марта 1873 года в Херсоне, Россия»^[91]. В то время Россия жила по юлианскому календарю, на двенадцать дней отстававшему от григорианского. Таким образом, дата, указанная в русском документе, соответствовала 23 марта григорианского календаря.

Агенты и информаторы были самым важным источником информации Особого отделения о жизни русской и польской эмиграции. Вербовались они различными способами: одни – «по рекомендации», другие – в процессе дознания. Лишь немногие сами предлагали свои услуги полиции. Однако независимо от того, предлагала ли сама полиция этим людям стать тайными информаторами или это была их личная инициатива, главный мотив был, как правило, один и тот же – деньги. У каждого сотрудника полиции был свой круг тайных агентов,

которым он платил из своего кармана – расходы компенсировались затем полицией. Зигмунд Розенблюм, хотя и имел достаточное количество денег по прибытии в Англию, имел склонность тратить добытые мошенническим путем средства так же быстро, как они ему доставались. Деньги были главным смыслом его существования и послужили именно той причиной, которая побудила его стать тайным сотрудником Особого отделения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Lycett, Andrew. Ian Fleming, The Man Behind James Bond. Weidenfeld & Nicolson, 1995. P. 216–217.

2.

Pearson, John. The Life of Ian Fleming, Creator of James Bond. Jonathan Cape, 1966. P. 189.

3.

Леонард Мосли, корреспондент, работавший за рубежом, и современник Флеминга, сам ставший достаточно успешным автором шпионских романов, вспоминал о своем разговоре с ним в рецензии на книгу «Супершпион» Эдварда ван дер Поера (Rhoer Van Der, Edward. Master Spy. N.Y. 1981).

4.

Там же (С. 112).

5.

Fraser-Smith, Charles with McKnight, Gerald and Lesberg, Sandy. The Secret War of Charles Fraser-Smith. Michael Joseph, 1981. P. 127ff.

6.

Lycett, Andrew. Ian Fleming, The Man Behind James Bond. P. 118, 132.

7.

The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart, Vol 1: 1915–1938, Kenneth Young (ed.). Macmillan, 1973. P. 153–154, 165.

8.

Lycett, Andrew. Ian Fleming, The Man Behind James Bond. P. 223.

9.

Уолтер Мумми – персонаж рассказов американского писателя и карикатуриста Джеймса Тербера, придумывающий невероятные истории о своих приключениях. (Прим, пер.)

10.

Lucas E. V. Highways and Byways of Succex. Macmillan & Company, 1903.

11.

Биографические сведения о Хью Томасе, почерпнутые из документов архива Главного Синода англиканской церкви, хранятся в архиве графства Энглси (Anglesey County Records, WM/659); см. также Alumni Records (Magdalene College Archives, Cambridge. P. 152–153); Bangor Diocesan Records (B/P/1055).

12.

Компания по изготовлению препаратов «Озон» была первоначально учреждена под именем «Розенблюм энд Ко. Консалтант Кемист» в 1896 году и располагалась по адресу Бэри-Корт, Лондон. В 1897 году она была переименована в «Озон» и сменила адрес на Империял Чемберс, Кёрситор-стрит 3, Холборн.

13.

Обстоятельства первой встречи между Зигмундом Розенблюмом и Маргарет Томас в собственноручно написанных ею показаниях, которые она дала капитану Военного министерства Уильяму Айзеку 11 ноября 1931 г. Представленное капитаном Айзеком краткое резюме показаний было им напечатано на машинке и содержало много опечаток. В оригинале рукописи говорилось о том, что первая встреча между Маргарет и Розенблюмом состоялась «летом 1897 года». Айзек вернул оригинал показаний Маргарет и послал резюме полковнику Валентайну Вивьену, руководителю пятого отдела СИС (контрразведка). Шифр личного дела Сиднея Рейли, хранящегося в архивах СИС-СХ 2616, далее упоминаемого как «Reilly Papers CX 2616».

14.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. Hodder and Stoughton 1967. P. 293.

15.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 293; Rhoer Van Der Edward. *Master Spy*. P. 5.

16.

По действующему тогда законодательству (инструкции Форин офиса относительно порядка выдачи паспортов от 15 июля 1895 г.) паспорта для выезда на континент были «бессрочными, действовали в любое время и на любое количество поездок на континент». Однако британским подданным, пожелавшим поехать в Россию, необходимо было обратиться не только за паспортом, но и за въездной визой в русское консульство. Хотя у Томасов были действующие паспорта для поездки на континент, архивные документы не подтверждают тот факт что они когда-либо обращались в Форин офис с просьбой выдать им паспорт для поездки в Россию (см. паспортную картотеку Форин офиса FO 611/18).

17.

Форин офис выдал паспорта на континент и в Египет Хью Томасу 30 декабря 1897 года и Маргарет 9 января 1898 года (паспортная картотека Форин офиса FO 611/18 Passport Names Index).

18.

Компания «Томас Кук» – одно из старейших туристических агентств Великобритании. (Прим. пер.)

19.

Форин офис выдал паспорта на континент и в Египет Хью Томасу 30 декабря 1897 года и Маргарет 9 января 1898 года (паспортная картотека Форин офиса FO 611/18 Passport Names Index).

20.

Альфред Льюис состоял управляющим отеля с 1887 г. По иронии судьбы три года спустя ему было суждено умереть в этом же отеле от сердечного приступа.

21.

Entry 433, Register of Burials in the Parish of Llansadwrn; Anglesey County Records Office WPE/32/6. Примечательно, что похороны состоялись за день до официальной регистрации смерти 17 марта 1898 г.

22.

Sussex Express, 19 March 1898. P. 5.

23.

Entry 316, 1898 Register of Deaths in the Registration District of Lewes in the Subdistrict of Newhaven in the County of Sussex.

24.

В первом издании книги Робина Брюса Локкарта *Ace of Spies* («Король шпионов»), вышедшей в 1967 году, воспроизведена машинописная копия записи о смерти Томаса. Выданная Сомерсетом Хаусом 19 сентября 1938 г. копия свидетельства о смерти, скорее всего, была сделана по запросу Джорджа Хилла, который сам работал в это время над биографией Сиднея Рейли. Согласно копии этого документа, смерть была удостоверена «С. У. Эндрю, членом Королевской корпорации хирургов». Однако если сравнить запись, сделанную от руки, то станет ясно, что машинистка сделала опечатку. Правильное имя – Т. У. Эндрю.

25.

Д-р Томас Эндрю родился в Пертшире в 1837 г. и получил диплом врача в Эдинбурге в 1861 г. Он и его жена Маргарет жили в Балкерак Вилла в Дуне, где Эндрю и умер 21 января 1905 года. В напечатанном сообщении о его смерти подчеркивался тот факт, что он никогда не выезжал за пределы Шотландии.

26.

Луиза Льюис жила в отеле «Лондон и Париж». Ее воспоминания о ночи с 12 на 13 марта 1898 г., возможно, имели бы для нас большое значение.

27.

Письма Дианы Оксфорд из Кингсфорд Стейси Блекуелл, посланные ею автору из гостиницы «Линкольн» в Лондоне.

28.

Почему Розенблум выбрал для себя имя «Т. У. Эндрю» – не совсем понятно. Стоит отметить, что большая часть имен, которые он присваивал себе в течение многих лет, принадлежали реальным людям, с которыми он был знаком или встречался. Когда он проживал по адресу Альберт-меншнз, 50, его ближайшего соседа по дому 49 звали Эндрюс (Electoral Register 1896/97, Parliamentary County and Parochial Electors in Kennington, Vauxhall Ward, Polling District № 5).

29.

Entry 88, 1869 Register of Births in the Registration District of Clerkenwell in the Sub-district of Goswell Street in the County of Middlesex.

30.

Foreign Office Passport Names Index, A. Luke, issued 13 December 1894, FO 611/17.

31.

См. прим. 13 (Обстоятельства первой встречи между Зигмундом Розенблюмом и Маргарет Томас в собственноручно написанных ею показаниях, которые она дала капитану Военного министерства Уильяму Айзеку 11 ноября 1931 г. Представленное капитаном Айзеком краткое резюме показаний было им напечатано на машинке и содержало много опечаток. В оригинале рукописи говорилось о том, что первая встреча между Маргарет и Розенблюмом состоялась «летом 1897 года». Айзек вернул оригинал показаний Маргарет и послал резюме полковнику Валентайну Вивьену, руководителю пятого отдела СИС (контрразведка). Шифр личного дела Сиднея Рейли, хранящегося в архивах СИС-СХ 2616, далее упоминаемого как «Reilly Papers CX 2616».).

32.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 22.

33.

Rhoer Van Der, Edward. *Master Spy*. P. 4.

34.

Costello, John & Tsarev, Oleg. *Deadly Illusions*. Century, 1993 P.22.

35.

Kettle, Michael. *Sidney Reilly – The True Story*. Corgi, 1983 P. 12.

36.

Andrew, Christopher. *Secret Service*. William Heinemann 1985. P. 12.

37.

Deacon, Richard. *A History Of the British Secret Service*. Frederick Muller, 1969, P. 139.

38.

Цитаты из этих утверждений можно прочитать в предисловии к книге *Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly*. Американское издание этой книги вышло в Нью-Йорке в 1932 г. в издательстве Harper Brothers. *The Adventures of Sidney Reilly*, выпущенная издательством Elkin, Mathews & Marrot, была изъята из продажи по решению суда, инициированного Маргарет Рейли; Крымов, Владимир. *Портреты необычных людей*. Париж, 1971, С. 70; Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 22, и письмо с вложением, адресованное капитаном Военного министерства Уильямом Айзеком в СИС от 17 ноября 1931 г. (Reilly Papers CX 2616).

39.

Там же.

40.

Клонмель (US Immigration records, см. прим. 46); Дублин (US Bureau of Investigation/ONI Memorandum of 23 August 1918. P. 2 и Sonderfahndugsliste GB File. P. 78, R-38 (PXCA, отдел, IV [Гестапо] E4).

41.

Deacon, Richard. *A History of the British Secret Service*. P. 140. Робин Брюс Локкарт приводит несколько иной вариант этой цитаты: «Я приехал в Англию работать на англичан. Мне нужен был английский паспорт и, соответственно, английское происхождение, а от Одессы, сами знаете, далеко-далеко до Типперери!» (*Ace of Spies*. P. 104). Источником этой цитаты, несомненно, является Роберт Брюс Локкарт, в момент описываемых событий служивший секретарем по торговым делам при английской миссии. В дневниках самого Роберта Брюса Локкарта (*Diaries of Robert Bruce Lockhart*. P. 55) отсутствуют записи за 1921 год, однако по дневникам Эдварда Спирса можно предположить, что обед состоялся 17 июля 1921 г. (Churchill College Archives Centre, Cambridge MSS SPRS 2/4).

42.

Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly (предисловие P. IX и 7).

43.

Рукопись книги «*The Adventures of Sidney Reilly*» печаталась сериями в «Ивнинг стандарт» до выхода в свет в книжном варианте. Упоминание о годе рождения Рейли есть во второй публикации от 11 мая 1931 г. С. 26.

44.

Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly, предисловие P. IX.

45.

Lockhart, Robert Bruce. *Memoirs of a British Agent*. Putnam, 1932. P. 322.

46.

Регистрируя свой брак с Маргарет Томас 22 августа 1898 (Entry 186, 1898 Register of Marriages in the District of Holborn in the County of London), Розенблюм указал годом своего рождения 1873, эту же дату он укажет и при въезде в США в январе 1915 г. (US Immigration, Port of San Francisco, Volume 7978. P. 26, 13 January 1915), еще раз в июле 1915 г. (US Immigration, Port of New York, Volume 5587, P. 103, 6 July 1915) и при регистрации брака (State of New York, Certificate and Record of Marriage (№ 4199) between Sidney G. Reilly and Nadine Zalessky, Borough of Manhattan Bureau of Records).

47.

Женившись на Пепите Хеддон-Чемберс 23 мая 1923 г. (Entry 29, 1923 Register of Marriages in the District of St. Martin, in the County of London), он указал датой своего рождения 1874 год, так же как и при въезде в США в 1924 году (US Immigration, Port of New York, Volume 7978, P. 26, 15 May 1924, and US Immigration, Port of New York, Volume 8155. P. 5, 21 October 1924).

48.

Deacon, Richard. *History of the British Secret Service*. P. 140 и Kettle, Michael. *Sidney Reilly – The True Story*. P. 13.

49.

Единственным членом семьи, с которым он стремился поддерживать отношения, была его двоюродная сестра Фелиция Розенблюм, жившая в Варшаве.

50.

Несмотря на то что авторами книги «Britain's Master Spy – The Adventures of Sidney Reilly» официально значились Сидней Рейли и его жена, она не является автобиографией. Книга была фактически написана журналистом Стюартом Этерли со слов Пепиты Рейли шесть лет спустя после смерти Рейли.

51.

Ответ на запрос автора от 11 августа и 12 октября 2000 года. Справка составлена Степаном Желязковым, специалистом по записям актов гражданского состояния в Государственном архиве Одесской области.

52.

Ответ на запрос автора от 11 августа 2000 г. за подписью Герды Раттай из Венского городского архива (исх. № МА 8-А-1285/2000).

53.

Ответы на запросы автора от 4 сентября 2000 г. за подписью д-ра Юлианы Миколецки из архива Технического университета Вены и от 3 сентября 2000 г. за подписью Томаса Майзеля из архива Венского университета.

54.

В архивных документах Военного министерства (армейские списки), хранящихся в Государственном архиве Великобритании (Public Records Office), за указанный период числится только один майор по фамилии Фозергилл. Майор Чарльз Фозергилл поступил на военную службу в 1855 г. и вышел в отставку в 1881 г., после чего занялся коммерцией. Он никогда не был участником экспедиций в Южную Америку и не имел отношения к разведке. Не исключено, что Сидней Рейли знал Чарльза Фозергилла, так как был знаком с его сыном Бэзиллом Фозергиллом.

55.

По всей видимости, Абрам родился до указа 1821 г., предписывавшего евреям, проживавшим в Царстве Польском, носить фамилии. Более того, записи актов гражданского состояния по каждой из религиозных конфессий (римско-католическая, иудейская, протестантская и православная) стали вестись только с 1826 г. По этой причине нам не удалось установить точную дату рождения Абрама.

56.

Нееврейские имена приведены в скобках после первого упоминания еврейского имени. Далее в тексте приводятся гойские, или нееврейские, имена, принадлежащие тому или иному лицу (слово «гой» на иврите означает «нееврей»),

57.

Marriage Records 1840, town of Szczuczyn, province of Bialystok. Lomza Gubernia, Fond 264, Bialystok Archive, Poland, Jankiel Leyba Rosenblum and Hana Bramson.

58.

The University of Leeds, Russian Archive, MS 1080/859, Family Tree of the Rosenblum, Neufeldt and Wolff Families; MS 1080/322, letter from Vera Bramson to Sophia Wolff, 24th April 1928; Letter from Esfir Bramson to the author, 3rd March 2003.

59.

Послужной список Михаила Абрамовича Розенблюма (РГВИА. Ф. 326. Оп. 64. Д. 448).

60.

Михаил Розенблюм женился на Софье Зоншейн 24 сентября 1889 г. (ГАОО, Ф. 39, Оп. 5, Д. 46, Л. 106). Их сын Борис родился в Одессе 6 июля 1890 г. (ГАОО. Ф. 39. Оп. 5. Д. 52. Л. 185).

61.

За последние сорок лет на поверхность всплыло несколько вариантов семейных фотографий семьи Розенблюмов (с. 26), включая фотографию Рейли в подростковом возрасте (с. 29). Они были сделаны в разное время и в разных местах на протяжении восьмидесятих годов, а не в одно и то же время, как предполагает Майкл Кеттл (Sidney Reilly – The True Story. P. 72).

62.

На сегодняшний день не найдено ни одного документального подтверждения даты рождения Розенблюма ни в одном из мест бывшей Российской империи, которые когда-либо фигурировали как место его рождения: Бедзиль (Польша), Бельск (Польша), Одесса (Украина), Херсон (Украина), Санкт-Петербург (Россия). Что касается украинских архивов, то многие документы безвозвратно погибли во время Второй мировой войны.

63.

Первая генеральная перепись населения Одессы. XLVII, таблица 24, Л. 152–153.

64.

Выписка из собственноручных показаний Маргарет Рейли от 13 ноября 1931 г. (Reilly Papers CX 2616).

65.

Box 182, XIIIh, files 7 and 10 (index cards), 1891, Ochrana Collection, Hoover Institution Archives, Stanford, California.

66.

Kettle, Michael. Sidney Reilly – The True Story. P. 14.

67.

Там же.

68.

Фелиция Владимировна Нейфельдт (урожденная Розенблюм) была дочерью брата Розенблюма Владимира. Она жила в Варшаве с 1900 г. и овдовела в 1911 г. Вместе со своими сыновьями Айрой и Марекком, а также их семьями она стала узницей варшавского гетто и погибла в концлагере Трешлинка в период с июля 1942 по июнь 1943 г.

69.

Brook-Shepherd, Gordon. Iron Maze. Macmillan, 1998. P. 15–16.

70.

Поводом к беспорядкам явилось решение правительства о призыве студентов на армейскую службу. Это привело к демонстрациям студентов, которые вскоре стали предъявлять политические требования.

71.

В «Списке выданных заграничных паспортов (1892–1899)», обнаруженном в фонде Одесского градоначальника (ГАОО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1241), насчитывается 2400 фамилий. Для получения заграничного паспорта в то время евреям необходимо было представить следующие документы: удостоверение личности, письменное свидетельство за подписью начальника полиции о том, что он не возражает против выезда за границу заявителя; справку от уездного воинского начальника о приписке к воинской части или свидетельство о прохождении воинской службы, а также бумагу из казначейства, подтверждающую уплату 15 рублей пошлины за паспорт.

72.

Досье Второго бюро на Рейли (28779) находилось среди прочих документов, вывезенных немцами в Берлин после оккупации ими Франции в 1940 г. Русские в свою очередь вывезли их в Москву в 1945 г. и передали в один из самых секретных советских архивов – так называемый Особый архив (сейчас являющийся частью Российского государственного военного архива), где им были присвоены новые архивные шифры. Хотя большая часть этих документов была передана во Францию в течение 1993–2000 гг., французы утверждают, что 10 000 ящиков с документами, включая досье 28779, до сих пор находятся в России. Недавний поиск этого документа в Особом архиве показал, что дела Второго бюро со старыми делопроизводственными номерами 28775—28782 по описи не числятся. По утверждению сотрудников архива, они не поступали на хранение в Особый архив и, очевидно, погибли во время Второй мировой войны. Дела, близкие к номеру 28779 (современные шифры 2812–4183), хранятся в фонде 7к, Оп. 2. Т. 3. Некоторые материалы о Рейли в фондах Особого архива все же сохранились: это справки, наведенные о нем Вторым бюро в 1933 г. (РГВА. Ф. 7к. Оп. 1. Д. 104. Л. 256–264).

73.

Согласно досье F7 12894 (полицейские донесения о русских беженцах в Париже) и F7 12904/7 (анархисты во Франции и за границей – 1892/1893), хранящимся в Национальном архиве в Париже, 4-й и 5-й парижские округа были основными местами, в которых концентрировались русские беженцы, евреи и студенты, жившие там в девяностые годы XIX века. Эти два округа также фигурируют и в других досье, помеченных шифром F7 12591/12596/12600 (листы с описаниями иностранцев и подозреваемых – 188/1907).

74.

Артур Эбрахаме был сыном Майкла Эбрахамса, основателя фирмы «Майкл Эбрахаме, Санс энд К^о». В Лондоне Рейли прибегал к услугам различных адвокатских контор, таких, как «Майкл Эбрахаме, Санс и К^о», «Уиллет и Сандфорд» и «Роберт Картер». Благодаря этому ни один из адвокатов не имел полного представления о его деятельности. В парижском городском архиве есть свидетельство о том, что Эбрахаме имел в Париже контору и квартиру на рю Тэбу.

75.

Альберт-меншнз и Виктория-меншнз были элитарными многоквартирными особняками, строительство которых завершилось в 1894 г. Альберт-меншнз стоял на углу Розетта-стрит и Саут-Ламбет-роуд. Предыдущим жильцом по Альберт-меншнз, 50 был Уильям Гоулд. Хотя в

почтовом адресе этот дом значился как Розетта-стрит, 50, на почтовых бланках Розенблюма всегда стоял адрес «Саут-Ламбет-роуд», что ясно указывало на престижность района. Любовь к изменению адресов была вполне характерной чертой Рейли.

76.

Дом по Бери-Корт, 9, расположенный в приходе Сент-Эндрю-Андершафт в лондонском Сити, был сдан в аренду Альберту Адольфу, который сдал его в субаренду Розенблюму и еще трем другим арендаторам (City of London Rates Valuation Lists 1891–1896, Section 13).

77.

Согласно списку членов Химического общества за 1897 г., с. 53, Розенблюм был избран членом общества 18 июня 1896 г.

78.

Согласно реестру членов, членов-корреспондентов и студентов Химического института, с. 58, Розенблюм стал его членом 4 марта 1897 г.

79.

Устав института (ст. 5, с. 15) гласит, что «Совет рассматривает каждый индивидуальный случай и принимает решение, нужно ли кандидату сдавать промежуточный или выпускной экзамен или оба из них». От кандидата также требовалось предъявить удовлетворительную нравственную характеристику. Документы на лиц, сообщавших ложные сведения о себе, более не хранятся в архивах Королевского Химического общества.

80.

Контора Уильяма Фокса располагалась по Минсинг-лейн, 39, в непосредственной близости от компании «Розенблюм энд КО» на Бери-Корт. Фокс был также соседом Розенблюма по Альберт-меншнз, Ламбет (Electoral Register 1896/1897, Parliamentary County and Parochial electors in Kennington, Vauxhall Ward, Polling District № 5).

81.

Lockhart, Robin Bruce. *Ace of Spies*. P. 27–28.

82.

Там же.

83.

ГИАЛ. Ф. 1226, Оп. 1, Д. 167 (родился в Ковно 17 апреля 1869 г. от Леви, сына Моисея Брамсона, и Леи, дочери Якова).

84.

«Сообщения Заведывающего агентурою Департаменту Полиции в Западной Европе за 1903 год. Лондон». ГА РФ, Ф. 102, Оп. 316, 1898 г. Д. 1, Ч. 16, Литера А, Л. 75–88

85.

Интервью биографа Этель Войнич Кэрол Спиро с ее падчерицей Уинифред Гэй. Бат, Сомерсет, 1992

86.

Sowerby, Millicent E. *Rare People and Rare Books*. Constable, 1967. P.21.

87.

Прошение и характеристика Розенблюма, а также данные о посещении им библиотеки находятся в Архиве Британского музея (Зигмунд Георгиевич Розенблюм – номер читательского билета A63702.12044). Наглядное представление о его исследовательских интересах дают названия четырех выданных ему для прочтения книг: Blagden, Sir Charles. *Some observations on ancient inks* (1787); Merrifield, Mary P. *Original treatises on the arts of painting*. 2 vol. (1849); *A Booke of secrets, showing divers waies to make and prepare all sorts of Inke and Colours*, Trans. W.P. London (1569); Linton, William. *Ancient and modern colours* (1852). К слову, читательский билет Вильфреда Войнич была за номером A53962 2897. В архивах Британского музея сохранилось свидетельство, согласно которому этот билет был выдан ему по рекомендации Сергея Степняка-Кравчинского.

88.

PRO MEPO 7/55, P. 264 and 340. *Police Orders for 10 April and 5 May 1893*.

89.

PRO MEPO 4/342 (*Register of Leavers*); PRO MEPO 21/32 (*Pension Registers*).

90.

Adams, H.L., CID, *Behind the Scenes at Scotland Yard*. P. 167.

91.

Memorandum dated 28 April 1896 (The Melville Papers).